

КРИЗИС КУЛЬТУРЫ И ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Д. Н. Шульгина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 октября 2010 г.

Аннотация: статья посвящена влиянию феномена глобализации на социокультурное пространство. Показывается, что в фокусе столкновения множественности культурных миров инициируется изменчивость как внутри культурных систем, так и в пространстве их взаимодействия, что неизбежно порождает кризис культурной идентичности.

Ключевые слова: глобализация, идентичность, кризис культурной идентичности, диспозиция «свой-чужой», детрадиционализация, культурное «ядро», культурная «травма».

Abstract: the article is devoted influence of a phenomenon of globalization on socio-cultural space. In work is shown that in the focus of collision of plurality of the cultural worlds, variability both in cultural systems, and in space of their interaction is initiated, that inevitably generates the crisis of cultural identity.

Key words: globalization, identity, crisis of cultural identity, disposition «The-Another», detraditionalisation, cultural «kernel», cultural «trauma».

Глобализация на сегодняшний день является одним из знаковых тенденционных явлений начала XX века, затронувших своим влиянием все сферы общественной жизни. Мир, в котором продолжают существовать и нарастать противоречия, риски и проблемы, преобразуется в новом неопределенном направлении, в процессе чего значительной реструктуризации подвергаются экономические, политические, социальные, технические и культурные основы общества. Глобализационные процессы, изменяя привычную темпоральность и социальное пространство, устанавливают рубеж между эпохами, заставляя всё человечество по-новому воспринимать то, что до этого выглядело довольно фрагментарным и недостижимым, традиционным и консервативным.

Масштабность и беспрецедентность протекающих процессов, что отмечают многие научные исследования, связаны с возникновением открытости мира, когда информационные, финансовые, транспортные, технологические потоки беспрепятственно проникают во все уголки Земли, организуя современную общественную жизнь на принципах взаимозависимости и взаимообусловленности. Комплексные глобальные системы, от финансовых до экологических, связывают судьбы сообществ, народов, этносов в одном регионе с судьбами сообществ в других регионах мира, способствуя созданию «миро-целостности» (И. Валлерстайн).

Думается, что из всех сфер жизнедеятельности обществ «удар» по культуре со стороны глобализации оказывается наиболее болезненным. Гипердинамизм социокультурных изменений и модернизация современно-

го общества сопровождаются, на наш взгляд, глубокими качественными трансформациями социокультурных систем: изменением ценностных ориентаций и их иерархии, сменой критериев оценки удовлетворенности жизнью и представлений о собственном благополучии, безудержной тягой к новому, усиливающимся экстремализмом, отсутствием устойчивых «идеалов и идолов», «размытостью» будущих перспектив и т.д. Поскольку культуры задают «горизонты», через которые формируются образ действий, способы поведения, поддерживаются социальные отношения и сохраняется идентичность, конфликты на почве культуры всегда сопряжены с глубоким сопротивлением человеческой природы.

Таким образом, социокультурная глобализация ведет к нарастанию внутрикультурных и межкультурных противоречий, актуализирует вопрос конфликта ценностей, традиций, смыслов, соотношения разных культурных миров. Новые союзы и новые «разломы» под влиянием процессов глобализации задают новую систему координат и в связи с этим новые формы и способы самоопределения для культур и человека как субъекта культуры.

В пространстве глобализационного полилога участились межкультурные контакты, что проявилось в распространении общих ценностей, норм, стандартов, идеалов, отчасти имеющих универсальный характер. Посредством заимствований происходит проникновение культурных новаций из одних культур в другие, где подобные новации по объективным причинам возникнуть не могли. Для любого общества такие культурные контакты имеют как позитивные, так и негативные эффекты. С одной стороны, они способствуют взаимообогащению культур, сближению народов, с другой – интенсивные и слабо контролируемые заимствования повышают потенциальную опасность утраты той или иной общностью своей культурной самобытности.

Очевидно, что традиционные, немодернизированные общества сильнее сопротивляются процессам глобализации, так как для них культура – это историческая память, «общность национальных корней», культурное наследие, традиции, что является моделью оформления жизни, «каркасом», оформляющим мировоззрение человека. Отказ от культуры означает «разрыв» памяти и, следовательно, аннулирование собственной самобытности. Поэтому каждая культура пытается выработать собственную стратегию поведения в условиях глобализационных новаций. Так, индийская культура и сегодня не предаёт принципы буддистского мировоззрения и как будто бы находится в стороне от мировых процессов. Япония же на основании выработанного уникального опыта, который выражается в своеобразном синтезе традиции и европейских ценностей («японский дух, западные технологии»), старается использовать глобализационные процессы для укрепления собственных традиций.

Данный трансформационный сдвиг не может не отражаться на базовой диспозиции «свой-чужой», задающей основания, критерии, механизмы идентификации людей, групп, сообществ, масс в формирующемся глобальном пространстве, определяя устойчивость, стабильность куль-

турной идентичности. Расширяя социокультурное пространство идентификации «своих» и сближения с тем, что когда-то было «чужим», глобализация создает опасность отчуждения от самобытного «своего» и далеко не в пользу усвоения лучшего из «чужого», генерирует не только новую социальную напряженность и открывает неоднозначные многообразные горизонты для самоопределения.

Границы «своего» и «чужого» постепенно стираются, среди различных социальных групп, общностей распространяются однообразные стандарты и символы. Глобализация привносит в каждую культуру, будь то традиционного или современного типа, альтернативные стили, образы, ценности, сформировавшиеся как элементы чужеродных культур. Ориентация на инородные образцы изменяет «культурный» облик отдельных социальных групп и обществ, которые распадаются на множество слабо интегрированных групп, отличающихся различными критериями идентичности.

В условиях глобализации увеличивается миграция, в связи с чем на территорию многих стран, в том числе и в Россию, въезжает большое количество иммигрантов, которые привносят «свою» культуру, «свои» ценности, «свои» представления. Внешние и внутренние миграции инициируют культурогенетический процесс, актуализируя многочисленные проблемы.

В первую очередь, миграционные потоки порождают такие проблемы, как интеграция эмигрантов в другую культурную среду, адаптация к новому социальному и этническому окружению, как правило, сопровождающаяся ассимиляционными процессами. С другой стороны, при значительном количестве эмигрантских потоков, объединенных по конфессиональному или культурному, этническому признакам, происходящих из одного историко-культурного ареала, разделяющих нормы и регулятивы одной культурной среды либо интегрирующихся по признаку культурной идентичности, адаптация к новому культурному пространству осуществляется более продолжительное время или вовсе не завершается, порождая феномены мультикультурализма – политической модели стабилизации поликультурных образований, сосуществующих в границах одного государства, и «диффузной институционализации» – возникновения «анклавов» традиционной культуры и культуры смешанного, синтетического типа, выполняющих, в основном, функцию приспособления к новой этносоциальной среде, что является основным признаком глобализирующегося мирового пространства.

Увеличение количества иммигрантов в различных странах мира привносит в культуру этих стран новые культурные значения и смыслы, меняют ее демографический облик, расширяя политэтнический спектр. Сегодня нас уже не удивляет индийский район в Лондоне, турецкий район в Берлине, китайский район в Америке. В каждом городе сейчас присутствуют островки Индии, Африки, арабских цивилизаций.

Настоящий момент характеризуется не столько сменой цивилизационных парадигм, сколько трансформацией культурного «ядра», куда включаются язык, традиции и мировоззренческие ценности. Становление информационного общества оказывает влияние на структурообразующие компоненты всей системы культуры и прежде всего на язык.

Информационное пространство в современных условиях выступает как единая общая основа, в которую одновременно «погружаются» все локальные культуры, причем условием общения становятся уже законы данного информационного пространства. Культуры адаптируются не друг к другу, а к метаязыку, создаваемому таким пространством. Активность информационных потоков столь высока, что заставляет подчинять себе традиционные элементы культуры и прежде всего изменяет традиционную систему культурной коммуникации. Это связано с тем, что «защитные слои плохо работают, деструктивная информация проникает беспрепятственно в самые сокровенные недра национального бытия, в результате чего возникает разрыв между интенсивностью инновационных процессов и способностью их адекватного усвоения [1, с. 43–44].

Кроме того, современный дискурс, обуславливающийся новыми интенсивными способами коммуникации в бизнесе, политике, рекламе, публицистике, СМИ, приводит к тому, что данный дискурс становится чрезвычайно метафоричным и многозначительным. Так, российский философ В. В. Миронов [2] отмечает формирование новой семиосферы, которая в постмодерне с его повсеместной текстуальностью и глобальным информационным пространством становится значимой детерминантой культурного самоопределения личности. Расширение псевдокультурного поля общения в результате межкультурного и международного контактов, как простого обмена общими значениями и стереотипами без необходимости понимания Другого, приводит к демонтажу традиционных смыслов и смысловых структур, отрицанию привычных символов, норм и ценностей. Игра со смыслами и значениями в ситуации их мультиплицирования порождает многообразие интерпретаций, объяснений, толкований, прочтений.

Другой формой кардинального сдвига в условиях глобализации является наблюдаемый процесс детрадиционализации, затрагивающий многообразные стороны жизни общества и человека – от сексуальности до выбора профессии, от этнических идентификаций до организации собственного времени. Поскольку культурная традиция составляет «ядерную» константу культурной идентичности человека, постольку деформация, разрушение традиционных установок в обществе всегда ведет к ее кризису.

Ряд причин обуславливает нисходящее влияние традиции на сознание людей в современном обществе: распад устойчивых общностей, которые могли бы передавать опыт новым поколениям; ослабление преемственности поколений; усложнение и специализация деятельности современного индивида; темп социальных изменений, в значительной степени обесценивающий опыт предшествующих поколений; «открытость» современных обществ воздействию со стороны других культур.

Если в традиционных обществах культурная традиция «как броня» прикрывала индивида, освобождая его от многочисленных ситуаций личностного выбора и ответственности за него, а отличительными чертами такого типа обществ являлся коллективизм, как образ мышления и практики, строгое следование традициям, при котором инновации встречали упорное сопротивление, что не способствовало ускорению со-

циокультурной динамики, то современные общества развиваются радикально иначе.

Речь идет и об упадке социального и культурного влияния традиции, и о вытеснении традиционных ценностей, моделей поведения и жизненных стилей на периферию общества, их маргинализации. В современном обществе традиции не «отменяются», но изменяют свой статус. Культурная традиция отныне не может рассматриваться как «само собой разумеющееся» знание, на которое полагается человек в своей повседневной жизни. Тем самым социализация индивида, в ходе которой осваиваются культурная традиция и социальная интеграция, в процессе которых она закрепляется, также испытывают значительные преобразования. Ослабляются аскриптивные связи индивида с семьей, жизненным пространством, социальным происхождением.

Когда человек живет в условиях большой индивидуальной свободы и открытости всему миру, традиции либо отступают, теряют свой непрерываемый характер, либо должны быть обоснованы рациональными средствами при столкновении с традициями других культур, теряя, таким образом, свой сакральный характер. Большинство традиций, «цементирующих» культуру, у многих народов сегодня сократилось, а сохранившиеся уже не оказывают прежнего по силе воздействия. Функции традиции замещаются суррогатными «заменителями» в виде продуктов массовой культуры, ролью СМИ, различных социальных организаций, религиозных течений, потребительской идеологией и т.д. Традиция начинает рассматриваться как совокупность предрассудков, суеверий, непроверенной информации, закрепившейся в опыте прошлых поколений и требующей в современных условиях своей проверки. Как это остро выразил Э. Гидденс, «традиция, лишенная содержания и подвергшаяся коммерциализации, превращается либо в часть исторического наследия, либо в китч – безделушки из сувенирного магазина в аэропорту» [3, с. 60–61].

Таким образом, традиция начинает восприниматься как искусственное ограничение свободного самовыражения человека, а не сосредоточение культурного опыта поколений. Когда традиции теряют силу и преобладает свободный выбор образа жизни, это не может не затронуть и ощущение человеком себя как личности. Традиции становятся не основой пассивного восприятия человеком уже устоявшихся, жестко зафиксированных установок, ценностей и стереотипов, а компонентом предельно многообразного, плюралистичного информационного пространства. Их многообразие позволяет человеку приобщаться к нескончаемому потоку «ролей», «образов», «смыслов». Мультикультурное, многонациональное, поликонфессиональное общество превращается в неисчерпаемый информационный ресурс, в многогранную «матрицу» для свободной самоидентификации, для построения образа собственного «Я».

Процесс детрадиционализации в качестве основного результата рождает всеобщую неопределенность современной ситуации, то есть когда невозможно выстроить, систематизировать социальную обстановку, когда прежние – ставшие знакомыми – механизмы социальной регуляции

утрачены, а новые еще не выстроены. Неопределенность, как сопутствующий процесс деградиционализации, охватывает такие институты социального контроля и социализации, как государство, семья, трудовой коллектив, партия, церковь и т.д.

Проблема ценностных изменений под влиянием глобализационных процессов представляет часть проблемы социокультурных трансформаций, поскольку ценности вплетены в социальную и культурную «ткань» и рассматриваются как смыслообразующие компоненты культурной идентичности человека.

Смена культурных ценностей общества, изменение приоритетов, включение новых ценностей, отвечающих потребностям сегодняшнего дня, – очень сложный и длительный процесс. Любая смена культурных ценностей, которую можно наблюдать на протяжении всего развития человечества, объективна и неизбежна. Однако никогда в истории она не происходила так быстро, как это происходит в современном обществе. Фактор глобализации, с которым связано ускорение темпов социальных и культурных трансформаций, усиление фрагментированности и сегментации всех сфер общественной жизни, приводит к динамичному обновлению ценностных предпочтений. Новые ценности входят в ценностную систему общества, не успевая ни адаптироваться к традиционным ценностям, ни пройти «культурную обработку» (В. В. Миронов). Это ведет к определенным изменениям в структуре личности, ее ценностно-смысловых ориентаций, что, в свою очередь, обуславливает формирование новой шкалы базовых ценностей общества.

Катализатором изменения всей системы ценностей, по утверждению З. Баумана [4], является отказ от достижения людьми долгосрочных целей и задач, что порождает социальную неустойчивость. На смену достижениям долгосрочных целей и задач приходит краткосрочная перспектива планирования собственной деятельности. Вследствие этого разрушается преемственность поколений, снижается значение семейных традиций и ценностей. Категория «краткосрочности» обесценивает понятия доверия, верности, преданности каким-либо отношениям, явлениям, предметам.

Целый ряд факторов социального характера обуславливает кризис идентичности человека в социокультурном пространстве. Среди них можно выделить основополагающие: размывание социальных общностей, ведущее к масштабной массовизации общества; деградация социальных связей, в рамках которой происходит подмена масштабности социальных задач партикулярными устремлениями, а также размывание устоев социально-групповой идентификации (как ситуация социальной «бездомности»). Все они влекут за собой ослабление коммуникативной поддержки субъективной реальности, вызывая кризис идентичности на всех ее уровнях (личностной, социальной, культурной).

П. Бергер и Т. Лукман [5] ясно показывают, что понимание событий и поступков окружающих возникает не как следствие индивидуальной работы человека по созданию значений, а в результате «перенимания-от-другого» того мира, в котором «другие» уже живут. Типизирующее понимание

предполагает существование значительной вероятности, что незнакомые мне люди в типичной ситуации повседневности поведут себя ожидаемым образом, поскольку природа и принципы построения наших интерпретативных схем одинаковы. Социальная же дезорганизация нарушает интерпретативные схемы, делегитимирует институциональные формы, и человек перестает ориентироваться в социальном пространстве.

Многослойные процессы приводят к появлению выбора из целой совокупности социальных и биографических возможностей, а жизнь человека в таких условиях превращается в «биографическое разрешение системных противоречий» [6, с. LII]. Можно сменить свою религиозную принадлежность, гражданство, стиль жизни, внешний вид, пол, сексуальные привычки. На протяжении своей жизни человек нередко меняет и место жительства, и место работы, и профессию, и семью, и друзей. Его индивидуальность (как и его идентичность) всё меньше зависит от потерявших устойчивость социальных характеристик.

Ослабление коммуникативной поддержки субъективной реальности «Я-идентичности» со стороны «Мы-идентичности» означает, что человек не только изживает социокультурный стержень, заложенный первичной социализацией, его самость «дробится» на множество фрагментов сообразно тем социокультурным мирам, с которыми он временно себя отождествляет. Человек оказывается принадлежащим к множеству социально-культурных реальностей («конечным областям значений»), реализуя в каждой из них лишь часть своей личности. Укажем, что отличие современной реальности от картины мира традиционных обществ в этом смысле состоит в том, что сегодня количество таких социокультурных «миров» неизмеримо возросло.

Легко понять, что изменение для любой более или менее устойчивой системы, например такой, как культура, оборачивается кризисом, который создает различные перспективы как своего развития, так и своего решения. Поскольку именно культура является той областью, где кодируются идентичность и непрерывность развития общества, постольку именно культурная идентичность «диктует» человеку постоянную, прочную уверенность, безопасность, возможность предвидеть общественные ситуации, однозначность собственного положения в обществе, следовательно, изменения в этой сфере носят самые травматические последствия. Подобную травму перемен в сфере культуры польский социолог П. Штомпка назвал «культурной травмой» [7, с. 475]. В качестве симптомов «культурной травмы» он выделяет следующие социальные последствия: 1) отсутствие доверия как к социальным институтам, так и к другим людям; 2) пассивность, апатия, ощущение своего бессилия; 3) ориентация на сегодняшний день и сокращение временной перспективы по отношению к прошлому; 4) ностальгия о прошлом, идеализация действий своей группы, общности, культуры; 5) рассеянное, неопределенное состояние беспокойства, комплекс страхов, тревожное настроение, склонность верить мифам, фантазмам [7, с. 484]. На личностном уровне «культурная травма» проявляется в культурной дезориентации, неуверенности в том,

каким образцам должно соответствовать собственное поведение человека, какие ценности являются для него доминирующими.

Причинами кризиса культурной идентичности становятся: опыт «потери укорененности» («утрата онтологической почвы») в ситуации «забвения» традиции (детрадиционализации), виртуализации и фрагментации культурного контекста; дистанцирование индивидуальных выборов от коллективных жизненных образцов в рамках нарушения традиционных типов связи, типов «близости» между социальными общностями, типов социальной идентификации в обществе; плюрализация форм жизни и жизненных сред; возникновение «виртуальных миров» со «своими» ценностями, формами коммуникации, дискурсивных практик. Ускорение темпа социальных изменений и институциональных сдвигов на всех уровнях социокультурного пространства порождает новый образ действий, формирующийся часто спонтанно, ситуативно, вступающий в конфликт с традиционной культурой. В таких ситуациях обостряется проблема изменения или поддержания устоявшихся связей между нормами социального контроля и самоконтроля. До тех пор, пока новый образ жизни не закреплен в новых культурных кодах и правилах и не будет санкционирован новыми паттернами взаимодействия, нормы социального контроля и самоконтроля будут конфликтовать между собой, вызывая социальную дезориентацию человека и порождая кризис идентичности на всех уровнях.

Литература

1. Диспозиция «свой-чужой» в культуре / под ред. А. С. Кравца (отв. ред.), В. Т. Титова, Е. Н. Ищенко, Л. И. Гришаевой. – Воронеж : Издат.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2007. – 257 с.
2. Мировов В. В. Информационное пространство : вызов культуре / В. В. Мировов. – Режим доступа: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/4c1af4ae57b2af19c3257194002d5705>
3. Гидденс Э. Ускользающий мир : как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М. : Весь мир, 2004. – 116 с.
4. Бауман З. Текучая современность / З. Бауман. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
5. Бергер П. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Моск. филос. фонд «Academia-Центр» : Изд-во «Медиум», 1995. – 334 с.
6. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М. : Логос, 2002. – 390 с.
7. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 415 с.

Воронежский государственный университет

Шульгина Д. Н., аспирантка кафедры
онтологии и теории познания
E-mail: dina_chul_07@mail.ru
Тел.: 8 (4732) 55-08-57

Voronezh State University

Shulgina D. N., Post-graduate Student
of the Ontology and Knowledge Theory
Department
E-mail: dina_chul_07@mail.ru
Tel.: 8 (4732) 55-08-57